

И носило меня, как осенний листок,
Я менял города, я менял имена...

Евгений Агранович

— Господин подполковник? — раздался незнакомый мужской голос в телефонной трубке.

— Кто говорит? — насторожился Михал Каминский, начальник второго отдела Генерального штаба Войска Польского.

— Владислав Стойчев, секретарь господина Заварзина. Здравствуйте, господин подполковник.

— Здравствуйте, господин Стойчев. Вы очень хорошо говорите на польском языке.

— Я знаю шесть европейских языков, господин подполковник, — сухо проинформировал его собеседник, после чего перешел сразу к делу: — Вы получили четверть от оговоренной суммы?

«Заносчивый и деловой, как его хозяин! Жополилиз, пся крев!»

— Да, банк меня уже известил. Вы что-то хотели узнать?

— Господин Заварзин желает знать, что на сегодня вам известно о его внучке?

— Извините, господин Стойчев, но мне пока нечего добавить к тому, что я уже сообщил ранее. Судя по последнему письму, которое получил мой агент, девочка уже едет и через несколько дней окажется

в Москве. Стоит ей оказаться в столице, как мне тут же доложат, после чего сразу, не медля ни минуты, сообщу об этом господину Заварзину. К сказанному могу только добавить, что там все готово к приему девочки. Мои люди в Москве их с нетерпением ждут.

— Я сообщу обо всем этом господину Заварзину, господин подполковник. Всего хорошего.

— Всего хорошего, господин Стойчев.

Подполковник положил трубку на рычаги телефонного аппарата, автоматически пригладил усы, потом встал, одернул мундир и подошел к приоткрытому окну. Ночью прошел сильный дождь, оставив после себя лужи, в которых сейчас купались солнечные зайчики. Шли прохожие, перешагивая мелкие и обходя большие лужи, мягко шуршали шины автомобилей, звонко стучали копыта лошадей. Глядя на улицу, он не видел всего этого, уйдя с головой в свои мысли, снова прокручивая события, предшествующие этому звонку.

Начались они с разговора подполковника со своим банкиром Казимиром Ковальским, когда тот предложил переговорить с очень богатым человеком, выходцем из России, по поводу одного частного дела. Услышав в самом начале, что тот выходец из России, он сразу хотел отказать от этого дела, но в последний момент передумал, а еще через час перезвонил по данному ему номеру телефона. На первый взгляд дело казалось несложным: доставить внучку банкира со всем бережением из Москвы в Варшаву. Причем сумма, которую ему предложили за успешное завершение дела, была весьма приличная. Каминский, хотя он почти согласился, сказал, что подумает, а спустя сутки, все окончательно

взвесив, позвонил и дал свое согласие. На первый взгляд ничего сложного не было, но подполковник за двадцать три года военной службы, из которых девять лет служил в контрразведке, знал, что любое задание не обходится без накладок. Вопрос заключался только в том, насколько они будут критичны.

Если бы не условие нанимателя, которое заключалось в том, чтобы обеспечить максимальную безопасность девочке, люди подполковника отвезли бы ее в Минск, а там через налаженные каналы связи переправили в Польшу. Вот только, согласно жестким требованиям безопасности, ему пришлось простой вариант отбросить и усложнить самому себе задачу, используя для этого своего агента из польского представительства в Москве.

Тот должен был сфабриковать фальшивые документы для девочки, после чего два других агента, женщина и мужчина, должны были сопровождать ее до Варшавы. В самой Москве для внучки Заварзина была снята для проживания квартира. Осталось только дожждаться приезда девочки.

Подполковник отвернулся от окна и возвратился к письменному столу. Сел, затем достал папку с делом на магната Заварзина, которую получил только вчера. Сведения были скудные, не имевшие, к большому сожалению подполковника, полной информации на главного фигуранта и его семью. Вчера он только пробежал глазами документы, не вникая в них, но при этом успел отметить, что в них очень мало реальных фактов.

Открыв папку, он начал внимательно все изучать.

«Так, что у нас тут. Василий Заварзин, отец моего клиента, умер за семь лет до большевистского

переворота. Основной капитал сколотили на торговле зерном. Все последние двадцать лет, до падения Российской империи, их семейство входило в список ста самых богатых людей России. Зерно, текстиль, лес, торговля, недвижимость. Дальше. За ним, через год, умерла его жена. Остались два сына и дочь. Старший сын Заварзина, Михаил Васильевич, продолжил дело своего отца. Высоко купец взлетел, но как упал! Находясь по делам в Нижнем Новгороде, пропал во время переворота, а по некоторым слухам был забит до смерти собственными рабочими. Какая дикость! Ладно, что у нас дальше? Младший сын, Николай, с отличием окончил Парижский университет, где изучал банковское дело. Исходя из практичности и основательности русских купцов, думаю, что семейство Заварзиных собиралось основать в России свой собственный банк. Об этом говорит и то, что полтора года он проходил практику в Лондоне и Париже, параллельно ведя дела семьи за границей. Вернувшись в Россию, женился по любви на дворянке Кудриной, которая через шесть лет умерла, оставив ему сына Сергея. Спустя два года после смерти жены Николай забирает сына и уезжает в Европу, не собираясь больше возвращаться. Приехал только на похороны отца, а затем на похороны матери. Его сын Сергей бывал наездами в России, где неожиданно женился на Екатерине Мурзиной. В результате чего на свет появилась девочка. Александра Сергеевна Заварзина. Судя по тому, что Сергей не вернулся к отцу, а остался в России, именно этот брак послужил разрыву между сыном и отцом. Дальше — больше. Сергей Заварзин не только принял революцию, но

и начал работать на большевиков, став каким-то начальником в наркомте торговли в Смоленске».

Подполковник перестал читать, поднял глаза и уставился в пространство.

«Не понимаю я русских, и все тут! Вот какого черта его понесло к большевикам? Пусть купцы, не дворяне, но вроде приличная семья, богатые люди. Так что этого молодого придурка привлекло в этой сумасшедшей идее красных комиссаров? Мировой коммунизм. Не понимаю, как можно принимать эту чепуху всерьез? Вот не понимаю и все! Ладно, читаем дальше.

В 1920 году Сергей Заварзин с женой одновременно заболели испанкой и умерли. Так, а куда делся их ребенок? Ладно. Об этом потом.

Сестра Николая, Елизавета Васильевна, в замужестве Морощкина. Ее муж, пьяница и мот, промотав наследство, окончательно спился и умер. Есть дети. Живет в пригороде Парижа, на пособие, которое ей выплачивает брат».

Подполковник достал последний лист, пробежал его глазами, потом снова прочитал, отмечая для себя те сведения, которые были там официально подтверждены.

«Александра Заварзина, десяти лет. Родилась в октябре 1914 года. До 1920 года жила с родителями, потом пропала и появилась через три года в Красноярске. О ней стало известно после того, как некая княгиня, находясь в ссылке в том же городе, отослала несколько писем своим знакомым в Москву и Санкт-Петербург, с просьбой найти ее деда Николая Васильевича. В этих письмах уже упоминается доверенный слуга семьи Заварзиных Лука Никитич Вробин. Письма датированы 1923 и 1924 годами».

Каминский положил лист в папку, а потом ее закрыл. Отложив папку в сторону, он открыл ящик письменного стола и достал еще один лист. Это была своего рода докладная записка, составленная по его просьбе банкиром Казимиром Ковальским, о состоянии банкира Заварзина. Он уже читал ее раньше, но теперь после просмотра дела семьи Заварзиных ему снова захотелось пробежать ее глазами.

«В 1910 году Заварзиным были куплены контрольные пакеты акций двух банков, в Париже и Лондоне. Удачно играл на бирже, сумев удвоить свой капитал. Торговал нефтью во время войны, купил несколько отелей. Только в одной Ницце у него отель и собственная вилла! После войны хорошо поднялся на торговле и строительстве. Основал сеть транспортных компаний. Ишь как развернулся, купчишка! Банки, торговля, строительство!»

Подполковник положил листок на папку.

«Как образно сказал мне Ковальский, Заварзин в европейском финансовом море сейчас довольно крупная акула. Если верить моему банкиру, состояние купчишки приближается к половине миллиарда долларов! Матка боска! Вот почему одним все, а другим ничего?!»

— Курва! Вонючий боров! Пся крев! — не сумев сдержать эмоций, уже вслух выругался подполковник.

Михаил Каминский, как и любой поляк, гордился своими предками, которые состояли из семи поколений шляхтичей с примесью королевской крови, и считал, что унижает себя, как офицер и шляхтич, работая на безродного русского купчишку. Конечно, он мог отказаться от этого предложения, но как тог-

да оплачивать капризы молодой любовницы, ювелирные украшения, рестораны и шикарные номера в отелях?

Глава 1

Стоило пассажирскому составу замереть у длинного перрона, как сразу закрутилась человеческая круговерть. Хлынувшие из вагонов пассажиры, нагруженные чемоданами и мешками, смешались с толпой, стоящей на перроне. Кроме встречающих здесь была масса всякого народа. Носильщики, воры, продавцы газет и папирос, военные патрули и наряды милиции. В одно мгновение голоса людей слились в невообразимую словесную кашу.

- Петька, как ты вымахал, чертяка!
- Эй, носильщик! Давай сюда!
- Ах ты, ворюга! Милиция!
- Ваши документы, гражданин!

Неторопливо ступив на перрон, я невольно стал участником всегда непонятной для меня человеческой суеты. Впрочем, в этом ничего удивительного не было, так как по жизни я был одиночкой. Несмотря на то, что в прежней жизни я не сидел на месте, частенько переезжая с места на место, встречали и провожали меня редко.

Окружающие меня люди толкались и обнимались, кричали и ругались. Бросив взгляды по сторонам, я первым делом убедился, что не привлек ненужного ко мне внимания, в чем была немалая заслуга специально подобранного мною костюма. Я постарался придать себе вид советского служащего, приехавшего в Москву, в командировку. Первым это

отметил мальчишка-беспризорник, который с ходу мне предложил:

— Гражданин-товарищ, развлекься не желаешь? Девочки на любой вкус!

— Кыш, оголец!

Следом, почти сразу, почувствовал на себе внимательный и цепкий взгляд молодого мужчины, который по-особому осматривал мой костюм, очевидно пытаюсь понять, в каком кармане у этого лоха может лежать бумажник, но стоило нашим глазам встретиться, как я улыбнулся. Вор-карманник оказался парнем сообразительным и сразу исчез из поля моего зрения. Рядом с нами прошел патруль, цепко всматриваясь в лица прибывших пассажиров. Судя по их шарящим по толпе взглядам, они искали по приметам конкретного человека, поэтому на нашу компанию не обратили никакого внимания.

Французы не стали выходить, а остались ждать прибытия своего представителя в вагоне. Мы тепло с ними попрощались, еще когда только состав подходил к вокзалу, поэтому сейчас стояли на перроне вчетвером. Быстро распределив чемоданы между носильщиками, я обратился к своим попутчикам:

— Идите к пролеткам. Я туда скоро подойду, только сдам свой чемодан в камеру хранения.

Сначала я посадил в пролетку Татьяну Владимировну, попрощался с ней, затем, с девочкой и Лукой, мы поехали по адресу, который они получили еще в Красноярске. Мне оставалось довести их до места, убедиться, что их приняли, а потом уже решать, что делать дальше.

Пока мы ехали в поезде, я попытался выяснить у Луки, что это за люди, но тот сказал, что сам

ничего о них не знает, хотя, вполне возможно, он мне соврал. Ничего удивительного в его недоверии ко мне я не видел, так как такие, как он, «осколки царского режима», по сути дела, были вне закона, а значит, предельно осторожны в своих словах и поступках.

Пока мы ехали, я присматривался к Москве. Несмотря на будний день, народу на улицах хватало, причем все куда-то спешат, торопятся. Заходят в магазины и лавки, едут в автомобилях, управляют грузовиками и правят лошадьми. Я рассчитывал, что увижу поток легковых машин, все-таки как-никак столица, но их на дороге оказалось относительно немного, намного чаще встречались пролетки, трамваи и грузовики. После конского транспорта то там, то здесь оставались кучи конского навоза.

За время поездки мы два раза пересекали рельсы, с интересом наблюдая за весело звеневшими трамваями. Увидев катящие по рельсам деревянные вагоны, полные народа, девочка сразу загорелась желанием покататься на трамвае, но стоило мне увидеть, как на одной из остановок толпящиеся люди штурмовали вагоны, я сразу подумал, что это плохая идея катать ребенка на трамвае. По одной из улиц куда-то сосредоточенно топал взвод красноармейцев с командиром, а стоило нам выбраться из центра и оказаться среди частных домов, как в глаза сразу бросились два всадника в форме — конная милиция. Проезжая, слышали звон колоколов и видели высившиеся над зданиями золотистые купола церквей. При виде их Лука Никитич сразу выпрямлялся и начинал истово креститься.

Политическое сознание народа поддерживали многочисленные транспаранты с лозунгами